Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

— Ох, уж эта критика снизу! Критиковали начальника шахты, а досталось нам, заместителям! Приказал каждый день в шахту спускаться!

КРОКОДИЛ

№ 32 (1322) МОСКВА 20 НОЯБРЯ 1952

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
ГОД ИЗДАНИЯ XXXI

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

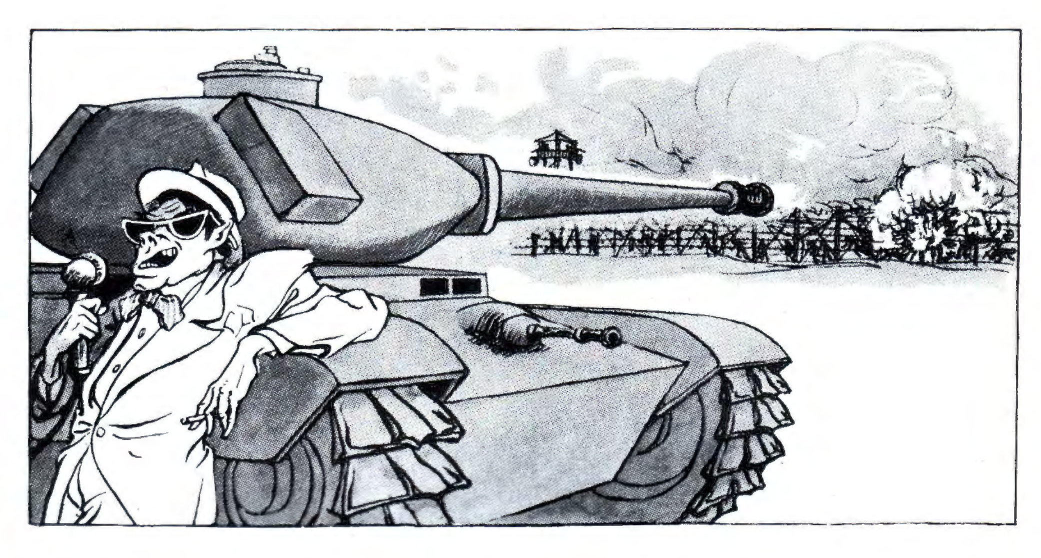
Иностранный ЮМОР

«САЛЮТ» НА КОЧЖЕДО

Крупнейший немецкий промышленный монополист Альфред Крупп, ныне выпущенный на свободу, вновь возвратился к своей деятельности главного поставщика оружия для восстанавливаемой в Западной Германии армии.

— Пьём на брудершафт!

РАДИОКОММЕНТАТОР: — Леди и джентльмены! Вы слышите салют в честь корейских военнопленных, которые добровольно отказались репатриироваться!..

Американские правящие круги кичатся тем, что в США якобы обеспечены «права человека».

Почему и как растут цены в Западной Германии.

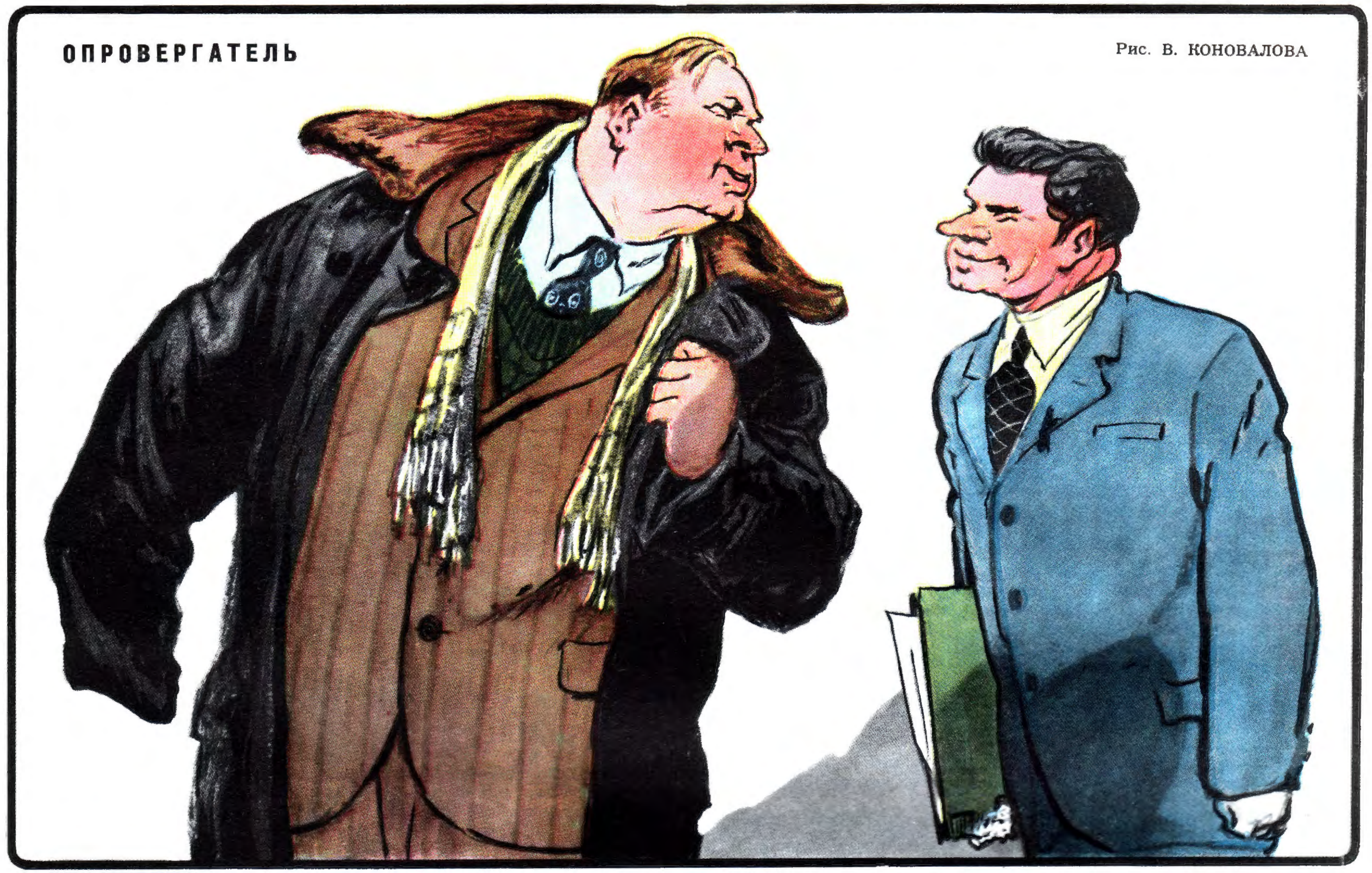

БЕЗРАБОТНЫЙ: — Будь у человека больше прав,— у меня не мёрзли бы ноги!..

ОПРОВЕРГАТЕЛЬ

Рис. В. КОНОВАЛОВА

— Говорят, нас в какой-то газете раскритиковали! Найдите эту газету, принесите мне и, пока я буду читать, напишите опровержение!

СМОТРИ В КОРЕНЬ!

«Критика
снизу —
это яд.
Сверху —
вот это лекарство!
Ну, можно ль
позволить
низам,
подряд
всем! —
заниматься
критиканством?!»

Таким своеобразным взглядом на критику славится не только герой стихотворения Маяковского «Столп» некий товарищ Попов.

Нет, не только он!

Недавно представители племени зажимщиков критики обнаружены у подножья Валдайской возвышенности, под сенью Есеновичских лесов...

Моторист Василий Матвеевич Никитин снизу, то есть с места своей работы на Красногородском лесоучастке, заметил, что сверху, то есть из конторы Есеновичского леспромхоза, беспрерывно веет по лесным просекам затхлый ветер бюрократизма, формализма и бездушного отношения к механизаторам. Заметив это, он взял да и написал заметку «Плохо используются механизмы». И послал её в областную газету «Калининская правда», в которой она вскоре, а точнее, 2 августа 1952 года, увидела свет.

Скромное критическое письмо встревожило леспромхозовских деятелей пуще, чем гроза с буреломом.

— Кто такой В. Никитин? — раздражённо спросил директор леспромхоза Гулин мастера Пантюхина и начальника участка Кудряшова.

— Моторист-бригадир, — робко доложил Пантюхин, ожидая, что сейчас директор задаст кому полагается за недооценку техники и другие беспорядки, подмеченные рабкором.

— Это тот самый, что в трест и министерство жаловался? — хмуро переспросил директор.

Начальник лесоучастка Кудряшов, отнюдь не лестно упоминаемый в никитинской заметке, угодливо залепетал:

— Он самый! Он, он! Не впервые про нас с вами пишет! Норму перевыполнит, сядет на пень отдохнуть — и строчит. Карандаш и бумагу всегда при себе держит. Один раз такую на меня жалобу в трест накатал, аж вы сами, Иван Афанасьевич, вынуждены были меня наказать.

— А работает он как? Дело знает?

— Бригадиром не зря назначен. Словом, на работе у него всё хорошо.

— А это, по-вашему, тоже хорошо? — вскипел директор, нервно постукивая пальцем по газете.

Мастер и начальник участка поняли директора с полуслова.

...Когда Пантюхин прибыл на лесную делянку, в руках стахановца Никитина звонко распевала электрическая пила.

— Давай сюда инструмент! — сердито потребовал мастер, не считая нужным даже поздороваться.

— Что случилось, Александр Алексеевич? — поинтересовался моторист. — Пила у меня как пила, в порядке.

— С сегодняшнего дня ты не моторист и не бригадир, а грузчик, — сообщил мастер и, отобрав пилу, распорядился: — Ступай на разгрузку балласта!

— Как же так? — удивился рабочий. — На участке нехватка квалифицированных механизаторов, а вы меня на балласт? Я же моторист. И по работе замечаний не имею.

Но мастер был твёрд, как сухой дуб, и неумолимо объявил:

— Коль не хочешь на балласт, иди жалуйся в контору.

И вот разжалованный моторист явился к директору леспромхоза в надежде найти управу на несправедливого мастера.

Выслушав рабочего, Гулин высокомерно сказал:

— Так вот, Никитин, за то, что ты не пошёл на разгрузку балласта и отлучился с работы, я отдам тебя под суд.

Он тут же вызвал своего секретаря и продиктовал заявление в народный суд Есеновичского района. А судья Дмитриев, вместо того чтобы разобраться в существе дела, вывел на заявлении резолюцию: «Завести уголовное дело».

И вот уже дело заведено. А прошло ещё два дня (в Есеновичах это делается быстро!) — и Никитин был... посажен на скамью подсудимых и осуждён.

Правда, есеновичским правоведам, заблудившимся в трёх соснах, не удалось привести в исполнение свой не в меру строгий приговор. К великому огорчению зажимщиков критики из леспромхоза, областной суд оправдал рабкора Никитина, а дело в отношении его производством прекратил и сдал в архив.

Всё это, конечно, правильно.

Но, на наш взгляд, воистину хорошо лишь то, что хорошо кончается. Не слишком ли рано «уголовное дело по обвинению В. М. Никитина» вверено архивариусам? Не следует ли поинтересоваться причинами, породившими это дело, чтобы по всем правилам нашего социалистического общежития отблагодарить Ивана Афанасьевича Гулина и иже с ним за оригинальные взгляды на критику? Короче говоря, давайте вспомним мудрое изречение Козьмы Пруткова: «Смотри в корень!» А корень здесь явно с гнильцой.

П. ДУДОЧКИН

г. Калинин.

Леонид ЛЕНЧ

Иллюстрации Бориса ЛЕО

ЕСЛИ пройти через общий зал кафе-ресторана, то направо, рядом с кухней, вы обнаружите дверь в маленькую полутёмную комнатку, которую официанты между собой называют «кормушкой».

В комнате этой, навечно пропахшей стойкими запахами подгорелого лука и пережаренного масла, посетителей не бывает, но она всегда прибрана, и стол — на всякий случай — застелен чистой скатертью. Она имеет своё, особое назначение.

Сегодня в «кормушке» сидят за столом сам директор районного треста ресторанов Полушалкин Никанор Ильич, важного вида мужчина, ещё молодой, но уже раздобревший, с зачёсом волос на бледном, лоснящемся лбу, как у Наполеона Бонапарта, и плановик треста Борис Семёнович Кулёк, пожилой, хилый, в очках, с быстрыми, нервными движениями. Зашли они в кафе-ресторан «Богатырь» с инспекторско-ревизионной целью — обследовать. Обследование заключалось в том, что начальство постояло в общем зале минут пять, покурило, потом заглянуло на кухню, где у огромной раскалённой плиты суетились потные повара, а оттуда проследовало в «кормушку». Там всё уже было готово: со сказочной, покоряющей быстротой на столе появились блюда с закусками и разнообразные бутылки и графинчики. Директор «Богатыря» Караев, жгучий брюнет с сизыми, почти синими щеками, сам руководил приготовлениями и на угощение не поскупился.

На столе — всё, что твоей душеньке угодно: икра в вазочках, масло, розовая сёмга, тающая в собственном жиру, маслины, похожие на миниатюрные пушечные ядра, салаты всевозможных фасонов, тарелка со слоёными пирожками и блюдо с холодным поросёнком, скалящим зубки с таким человечески-живым выражением обиды на бледной, малокровной мордочке, будто он, поросёнок, сейчас встанет и спросит едящих его: «Что вы со мной делаете, растакие вы и разэтакие?.»

Обследователи сидят за столом, выпивают, закусывают — подводят итоги обследования. Караев, как гостеприимный хозяин, разливает водку по рюмкам, раскладывает салат по тарелкам.

— Никанор Ильич, дорогой, — говорит он, с опаской поглядывая на методически жующего Полушалкина, — скажите слово! Какие будут ваши замечания, указания, директивы-коррективы? Вы наш отец, мы ваши дети. Учите!

Полушалкин лениво усмехается, важно молчит.

Сказать что-то нужно. Но что?

— Скажите ваше слово, Никанор Ильич! — не унимается Караев.

Поддев на вилку пирожок, Полушалкин откусывает сразу половину и, пожевав, с полным ртом говорит неопределённо:

— А растегаи с рыбой, пожалуй, будут повкуснее.

— Завтра сделаем растегаи, Никанор Ильич. Приходите завтра!

— Ты, брат, у меня не один. План выполняешь?

— С планом у него всё в порядке! — вмешивается в разговор Кулёк, кладя себе на тарелку кусок поросёнка. — За прошлый месяц сто три сделал.

Директор «Богатыря» скромно наклоняет голову.

— Стараемся по силе возможности!.. Никанор Ильич! — стонет он, изнемогая от преданности. — Может, что заметили, скажите! В кровь разобьёмся, а исправим. Давайте директивы-коррективы!

— Насчёт морковки... вы хотели сказать! — подсказывает Полушалкину Борис Семёнович Кулёк.

— Да, да!.. Вот что, Караев, на кухне у тебя, брат, того... замечается расточительство. Люди не берегут продукты. Мы с Борисом Семёновичем обратили внимание: на полу валялась хорошая морковка. По ней ходили, топтали её ногами. Это что — государственный подход?! Сколько там было морковки, Борис Семёнович?

— Корней пять! — подумав, сообщает плановик.

— Вот видишь, Караев! — продолжает развивать свою мысль Полушалкин, строго глядя на удручённого директора «Богатыря». — А сколько весят пять морковок?.. Самое меньшее триста граммов. Так? Теперь подумай, что такое морковка?..

— Гарнир?! — робко, как ученик на экзамене, отвечает Караев.

— Не гарнир, а о-вощ. А что такое овощ?

— Опять же... гарнир!

— Застучал, как дятел: «гарнир, гарнир»! Овощ — это продукт труда. Так? Эту морковку колхозники растили, как мать дитя. Потом сдали государству. Так? Потом государственные машины её везли по дорогам в дождь, в грязь. Так? Потом она, матушка, в подвалах лежала, и опять за ней люди присматривали, за что и получали соответствующую заработную плату. Так? Привезли её сюда, в твоё кафе-ресторан, а ты что с ней делаешь? Топчешь её ногами, как вот этот поросёнок... когда он ещё живой был! Это что — государственный подход?!

Напуганный этим глубокомыслием, Караев бледнеет и из сизого делается нежноголубым, как увядший василёк. Он смущённо бормочет:

— Ей богу, первый раз сегодня такое дело случилось, Никанор Ильич! И как раз вы пришли. У нас строго насчёт этого!

— Брось! — горячится Полушалкин, охваченный своим порывом. — Я вижу, это у вас система. Сегодня затоптали пять морковок, завтра — пять. А в месяц сколько это будет? Борис Семёнович, оставь поросёнка, посчитай. Если каждая наша точка затопчет в день по триста граммов морковки, — это, понимаете, какая цифра на весь трест получится?!

Кулёк, отставив тарелку, извлекает из кармана автоматическую ручку и начинает делать вычисления на бумажной салфетке, а Полушалкин, устремив взор на низкий потолок в разводах и пятнах, множит и складывает в уме.

— Тьфу!.. Даже в голову ударило! — говорит он спустя минуту. — А ведь они, черти, не только с морковкой так обращаются, а, наверное, и со свёклой.

— И с луком! — вторит ему Кулёк.

— Правильно!.. Ну-ка, прикинь на свёклу и на лук. Ориентировочно!.. Обожди, это долгая цифирь получается. Давай выпьем сначала... Ну что ты в поросёнка как вцепился, так и не можешь отвалиться?!. Возьми сёмги, у него сёмга хорошая. Ешь и считай!..

Они едят и считают, считают и едят.

Караев на цыпочках выходит из «кормушки» и спешит на кухню к заведующему производством Лукашёву.

— Ну, что там? — тревожно спрашивает полный, розовый, как сёмга, Лукашёв.

— Плохо! Привязались к морковке — увидели на полу пять корней. Расточительство, говорят, негосударственный подход. Теперь считают, сколько в месяц расточаем. Понимаешь?!.

— Понимаю!.. Считают?

— Считают!..

— Придётся шашлыки давать! — с глубоким вздохом заключает Лукашёв.

— Давай жарь!

— Я уже зажарил. Как предчувствовал!.. И что за напасть такая: вчера были обследователи тоже из треста — кушали, пили. Третьего дня один ревизор забежал — тоже кушал. Это что — государственный подход? А ведь если подсчитать, сколько они в месяц... расточают, Ваня, а?!. Это ужас что такое! И ведь всё на шею потребителю.

— Ладно! Нашёл время философию разводить! Давай шашлыки!

— Сам понесёшь?

— Конечно, сам. Давай!..

...А Полушалкин и Кулёк всё считают и считают! Полушалкин слегка осоловел, но нить рассуждений не теряет.

— А петрушка и сельдерей?! — говорит он с тем же азартом. — Трава! Пустячок! Но... если государственно подходить, тоже продукт труда!.. Прикинь-ка и на петрушку, Борис Семёнович!..

Вспотевший от усердия Кулёк берёт новую салфетку и снова множит и складывает.

Входит Караев с подносом, на котором стоят тарелки с шашлыком; золотисто-коричневые куски жирной баранины издают волнующий запах.

— Поставь на стол и уходи! — командует Полушалкин. — Не мешай. Стой! Боржому подкинь бутылки две!

Наконец всё подсчитано, всё съедено и выпито. Пора уходить. О том, что за выпитое и съеденное нужно заплатить, директору треста ресторанов и плановику даже и в голову не приходит. Если бы Караев сейчас подал им счёт, они бы даже не обиделись, а лишь несказанно удивились!

Но Караев счёт не подаёт. Он деликатно появляется в «кормушке» в тот момент, когда начальство собирается уходить.

Полушалкин милостиво протягивает ему руку и говорит:

— Ну, прощай, Караев. Получишь общий приказ по тресту, проработай его со своим народом! Обрати серьёзное внимание на государственный подход!

А Борис Семёнович Кулёк хлопает его по плечу и шутит:

— Хотели вас, Иван Георгиевич, в качестве отрицательного примерчика в приказе упомянуть, да пожалели! Зачем, думаем, обижать хорошего человека? Ну, пока!

— До свиданья! Всегда рады! — бормочет довольный Караев, провожая высоких гостей до двери. — Милости прошу, Никанор Ильич, на растегайчики. Заходите!.. Ух!.. Пронесло!..

На улице потеплело. Тротуары мокрые, с серого неба сыплется мелкая морось, будто там, на небе, испортился душ, а починить некому. Прохожие ёжатся, поднимают воротники пальто.

— Куда теперь? — спрашивает своего спутника Полушалкин, сдерживая сытую отрыжку.

— Вы хотели зайти в «Маяк»! — напоминает директору плановик. — Помните, поступила жалоба на грубое обращение? Давайте заодно уж обследуем.

— Что ты?! На полный желудок?.. Давай лучше в кафе-мороженое зайдём... как его... «Холодок». Посмотрим, как там Барабанов действует, обследуем. Да и остудиться не мешает после шашлычка!

— Идея!

Плановик берёт директора под руку, и они направляют свои стопы в подведомственное им кафе-мороженое «Холодок».

ДУША ОБЩЕСТВА

Рис. В. ЛОСИНА

— И откуда тебе, тётя Даша, государственные тайны известны!
— Как откуда!! Зять-то мой — ответственный работник!

А. МЕЖИРОВ

КАК У НАШИХ У ВОРОТ...

Как у наших у ворот
Стоит озеро воды.
(Старинная песня.)

Как у наших у ворот
Не ручей в траве течёт,

За воротами не пруд,
Не вода стоячая,—
Появилось нынче тут
Море настоящее.

Как у наших у ворот
Стал на якорь пароход.

Всё колхозное село
Этот час отметило,
К пароходу подошло,
Хлебом-солью встретило.

Как у наших у ворот
Разместился целый флот.

Перед окнами пыхтят
Трубки капитанские,
На селе у нас гостят
Моряки цимлянские!

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

КВЕРХУ НОГАМИ

— Как мог появиться такой документ?— удивлялись работники Львовского облуправления промстройматериалов. Они имели в виду цыдулю директора золочевского заводоуправления кирпичных заводов И. П. Воронова:

«О готовности завода к сезону.

Секретар Горисполкома тов. Юрченко печати недал мотивируюче тем что 15/III по указанию облисполкома будет обследован з/управление о готовности к сезону и будет обследование решение, а преждевременно мы обследовали без решения горсовета заверать акта не буде, а по етому акт посылаем без печати горсовета.

Директор з/у Воронов».

Ошибок в этой филькиной грамоте много. Смысла мало. Печати нет. Даже штамп наложен, как говорится, кверху ногами.

А не в таком ли положении и директор тов. Воронов писал сей акт?

С ОДНОЙ СТОРОНЫ И С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

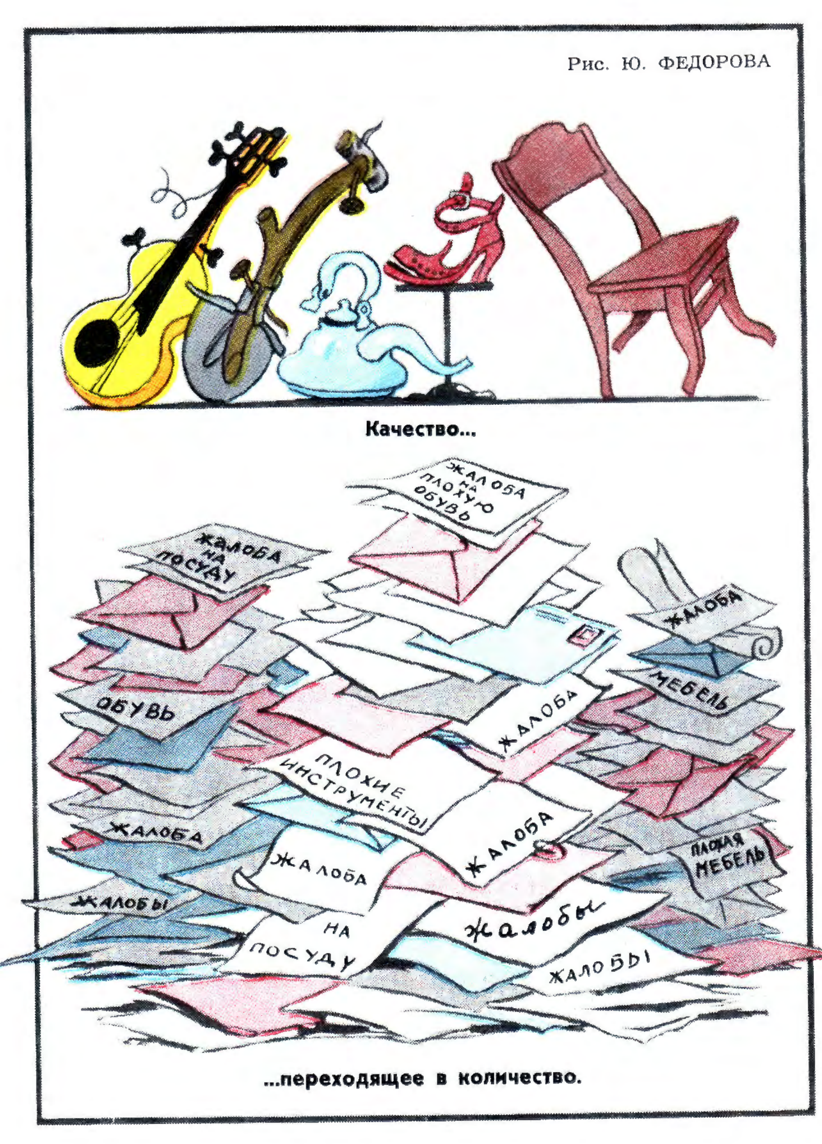
«...Принимая во внимание, что Ваша задолженность бесспорна и неосновательна, прошу Вас, товарищ Управляющий, дать указание бухгалтерии о перечислении указанной суммы на бюджетный счёт «Гипролестранс» 25029 в ЛОК Промбанка г. Ленинграда, о чём сообщить «Гипролестранс» немедленно по получении данной претензии».

Прочёл управляющий трестом Уралзападолеса тов. Фокин приведённое выше послание и задумался.

В самом деле, как быть? Если задолженность неосновательна, то вроде и платить не следует, а если она, с другой стороны, бесспорна, то платить всё же следует?

Ещё Козьма Прутков говаривал о такого рода документах: «Где начало того конца, которым оканчивается начало?»

Рис. Ю. ФЕДОРОВА

Качество...

...переходящее в количество.

В гостях у КРОКОДИЛА

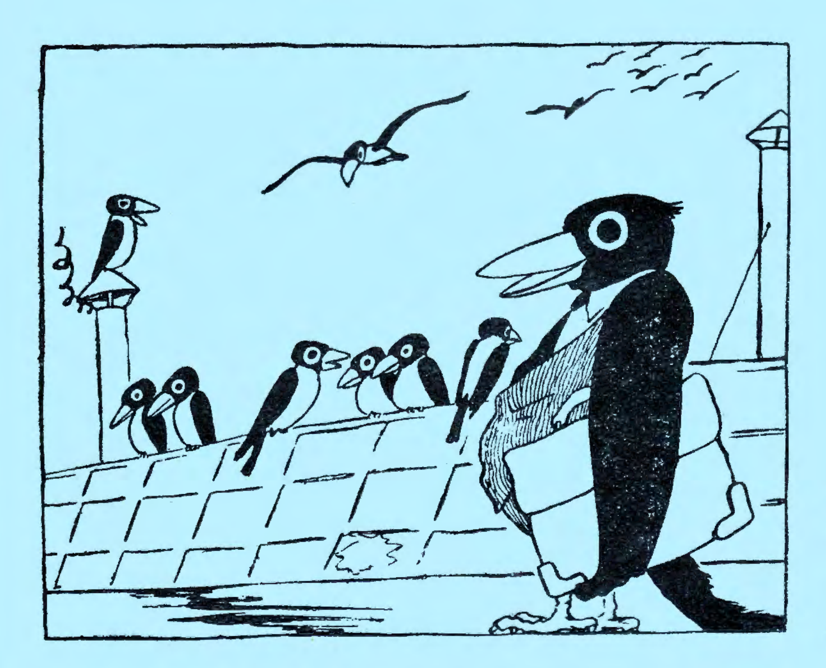
Под светом фар

(САТИРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ МНОГОТИРАЖКИ «СТАЛИНЕЦ» АВТОЗАВОДА ИМЕНИ СТАЛИНА В МОСКВЕ)

Рисунки Е. ГУРОВА

КОГДА РУКОВОДИТЕЛИ СЧИТАЮТ ВОРОН...

Механосборочный цех № 4 выполнил программу от начала месяца лишь на 86 процентов.

ГЛАВНЫЙ ВОРОН: — В начале месяца я всегда спокоен, так как в это время вверенных мне ворон считают руководители цеха, но вот в конце месяца им не до нас, и мне считать приходится самому.

СДАЮТ НОРМЫ

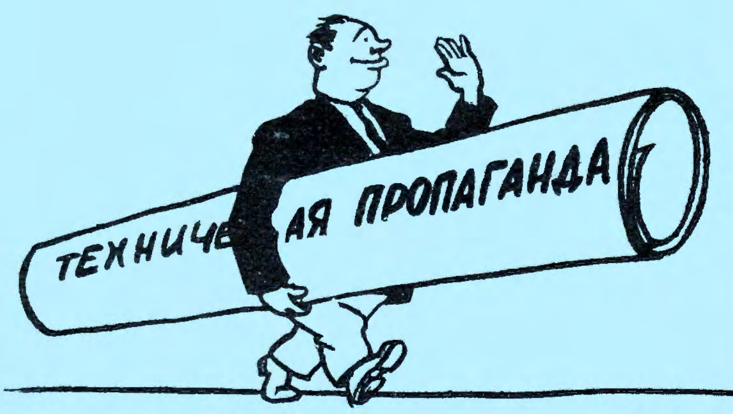
В литейной № 3, где 120 комсомольцев, за 1951 год подготовлен всего один значкист ГТО.

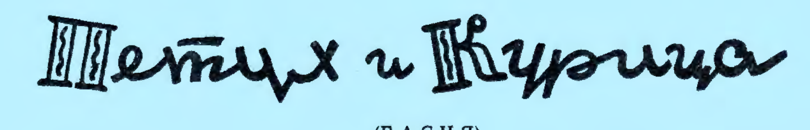
— Дело сделали мы чисто:
Подготовили значкиста.
Он доставит нам успех —
Он один представит всех.

ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО РАЗВЕРНУТЬ

Бюро технической информации до сих пор не ведёт достаточной пропаганды по распространению опыта новаторов.

— А чего вы волнуетесь! Пропаганда есть! Осталось только развернуть!

Петух и Курица

(БАСНЯ)

Петух назначил Курице свиданье
На огороде около плетня.
Любимая пришла без опозданья,
Как обещала, в середине дня.
Петух, звеня молодцевато
шпорами,
Пошёл навстречу к ней шагами
скорыми.
Она спросила Петуха:
— Сознайся, не таи греха,
Подруги-куры говорят,
Что ты как будто бы женат?
— Вопрос бестактный и пустой,
Я был всё время холостой!
Как только ты, родная детка,
Поверить сплетницам могла!

Но тут с цыплятами наседка
К ним подошла из-за угла.
Петух был этим удручён,
Петух был враз разоблачён.

Заплакала его жена,
Изменою поражена.
Но он сказал ей с видом бравым:
— Допустим, ты моя жена,
Но с этой шумною оравой
Ты мне отныне не нужна.
А вертихвостка молодая
Сказала, друга обнимая:
— Ах, Петушок, ах, дорогой,
Пойдём скорей в курятник мой!
Они отправилися оба
Демонстративно, не спеша.
Петух — мерзавец, а зазноба,
Как видно, тоже хороша.

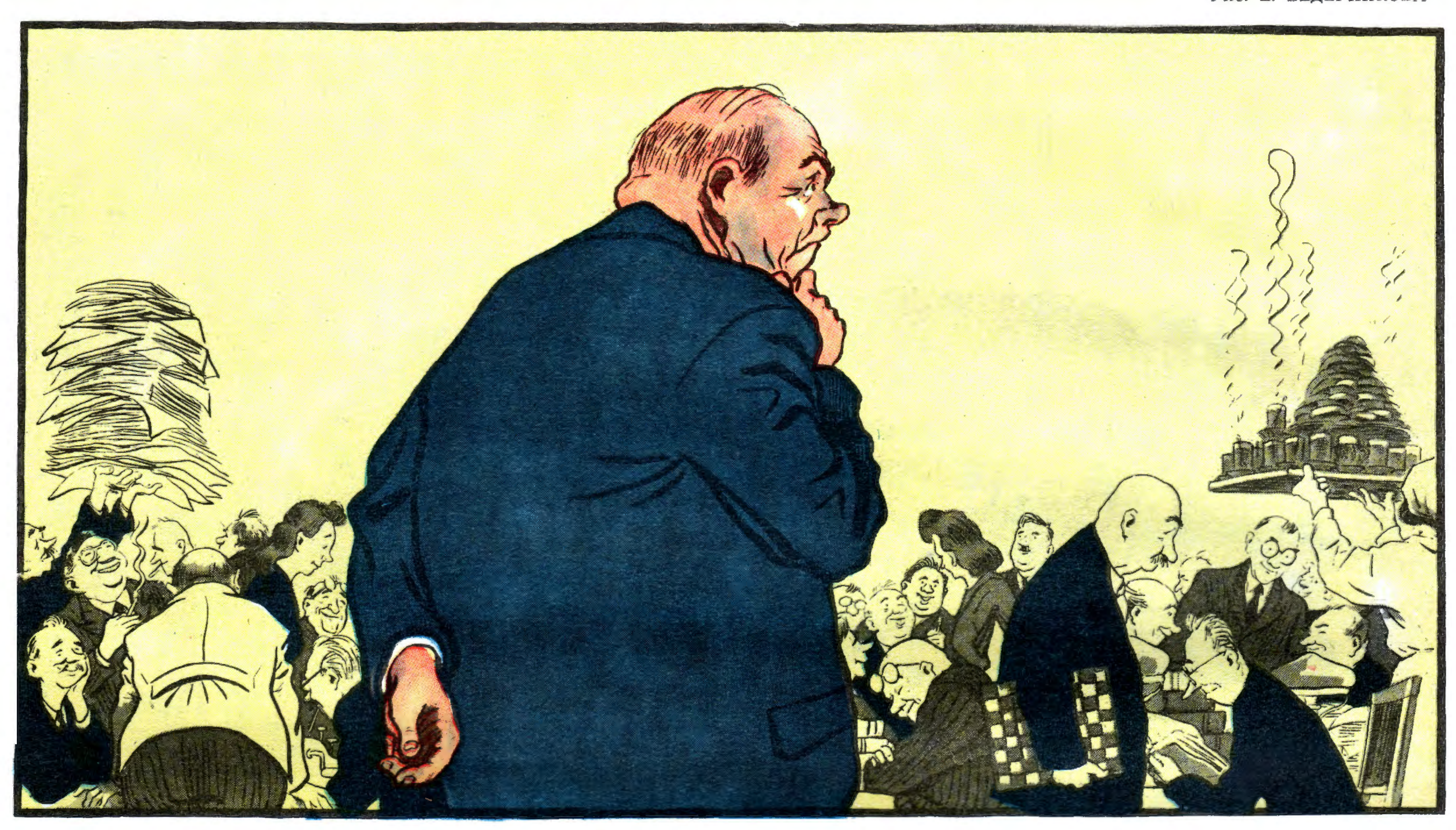
Мои колючие стихи
Написаны почти с натуры.
Да. Есть такие Петухи,
И есть ещё такие Куры!

Р. САРЦЕВИЧ

В КОНЦЕ ГОДА

Рис. Е. ВЕДЕРНИКОВА

— Опять новый бюджетный год! Опять надо доказывать штатной комиссии, что у меня недоукомплектованы штаты!..

СВОИ ЛЮДИ—СОЧТЕМСЯ...

Легко представить себе выражение лица управляющего трестом «Союзнефтеизоляция» Л. С. Горошевского, если бы он получил такое письмо от одного из своих подчинённых:

«Уважаемый Лев Соломонович! Прослышав о Вашей доброте и отзывчивости, прошу Вас выполнить небольшую просьбу — встретить мою бабушку на Киевском вокзале и проводить её на Ленинградский. У старухи всего два чемодана и сундук. Не забудьте, что поезд приходит...»

Несомненно, Лев Соломонович был бы крайне удивлён и даже оскорблён. Кто это пишет? Изолировщик Петров? Ведь это надо додуматься: попросить его, руководителя всесоюзного масштаба, который сам привык только поручать, встретить какую-то незнакомую старуху!

Другое дело, когда сам управляющий трестом Лев Соломонович Горошевский даёт своим подчинённым кое-какие поручения личного свойства. Например, не самому же ехать в Ленинград, чтобы приобрести себе телевизор последней марки! Он просто снял телефонную трубку и дал соответствующее распоряжение Владимиру Борисовичу Бытенскому, начальнику Ленинградского строительно-монтажного управления (СМУ-4). А Владимир Борисович тут же нажал кнопку и вызвал начальника отдела снабжения М. И. Иванова.

— Собирайтесь! Есть срочное дело! — распорядился Бытенский.

— Достать материалы? — осведомился Иванов.

— Важнее... достать телевизор для самого Льва Соломоновича!

И снабженец Иванов, бросив все дела, двинулся на поиски. Не прошло и трёх рабочих дней, как телевизор был добыт, упакован, доставлен на управленческой машине к вокзалу и отправлен в Москву без всякого вознаграждения.

Вскоре, однако, последовало и вознаграждение: из треста на М. И. Иванова благоуханным сюрпризом свалилась премия — 500 рублей — «за своевременное представление отчётности и качественное представление заявок». А чтобы не отставать от высокого начальства, и сам Бытенский подкинул Иванову 500 рублей из директорского фонда «за успешное выполнение задания треста по реализации наряда...»

Узнал о телевизоре один из коллег Льва Соломоновича и возымел желание приобрести себе такой же.

Лев Соломонович не заставил себя долго упрашивать и снова дал соответствующий сигнал Бытенскому. Тот позвонил Иванову. Иванов, оказалось, куда-то выбыл. А дело не шуточное, не терпит. На глаза начальнику попался мастер Б. М. Максимаджи.

Мастер пытался было возражать. Но тщетно. Начальнический авторитет взял верх. И Максимаджи направился за телевизором последней марки, имея об этом не большее представление, чем пушкинский Руслан, пустившийся на поиски Черномора.

Но ему повезло. Добыл что требуется! И вскоре в специальном приказе по СМУ-4 мастер Максимаджи не так щедро, как Иванов, но всё же был отмечен денежной премией... «за успешное выполнение плана».

А управляющий трестом тем временем был полон других забот. Оказалось, что кто-то где-то в Ленинграде начал выпускать необыкновенные, потрясающие авторучки самой новейшей конструкции. Пера, представьте себе, не видно — пишешь неизвестно чем. Корпус благородной формы. Наконечник с позолотой, гофрированный. Увидев такую роскошь, Лев Соломонович Горошевский просто чуть не умер от зависти.

К счастью, связь с Ленинградом работала исправно. Бытенский не сразу даже понял, в чём дело. Оказалось, что он просто отстал от жизни — не имел об этой волшебной авторучке ни малейшего понятия и даже дерзко высказал сомнение в возможности её добыть.

Тут в голосе управляющего послышались металлические нотки:

— Владимир Борисович! Может быть, вы забыли о моей доброте? Вспомните, разве не я распорядился, чтобы вы истратили четыре тысячи рублей на ремонт своей квартиры за счёт средств, отпущенных на общежитие? Или не по моим приказам вы за пятнадцать месяцев получили в виде премий тринадцать окладов?..

Пристыженный Владимир Борисович Бытенский уже раскаивался. Он был готов теперь добыть для своего начальника не только авторучку, а хоть самого дьявола из пекла.

И, никому не доверяя ответственного поручения, Владимир Борисович сам кинулся рыскать по магазинам.

Что же касается изолировщика Петрова с его просьбой насчёт встречи бабушки, то он не стал писать такое письмо. А написал другое. Оно и послужило поводом для этого фельетона.

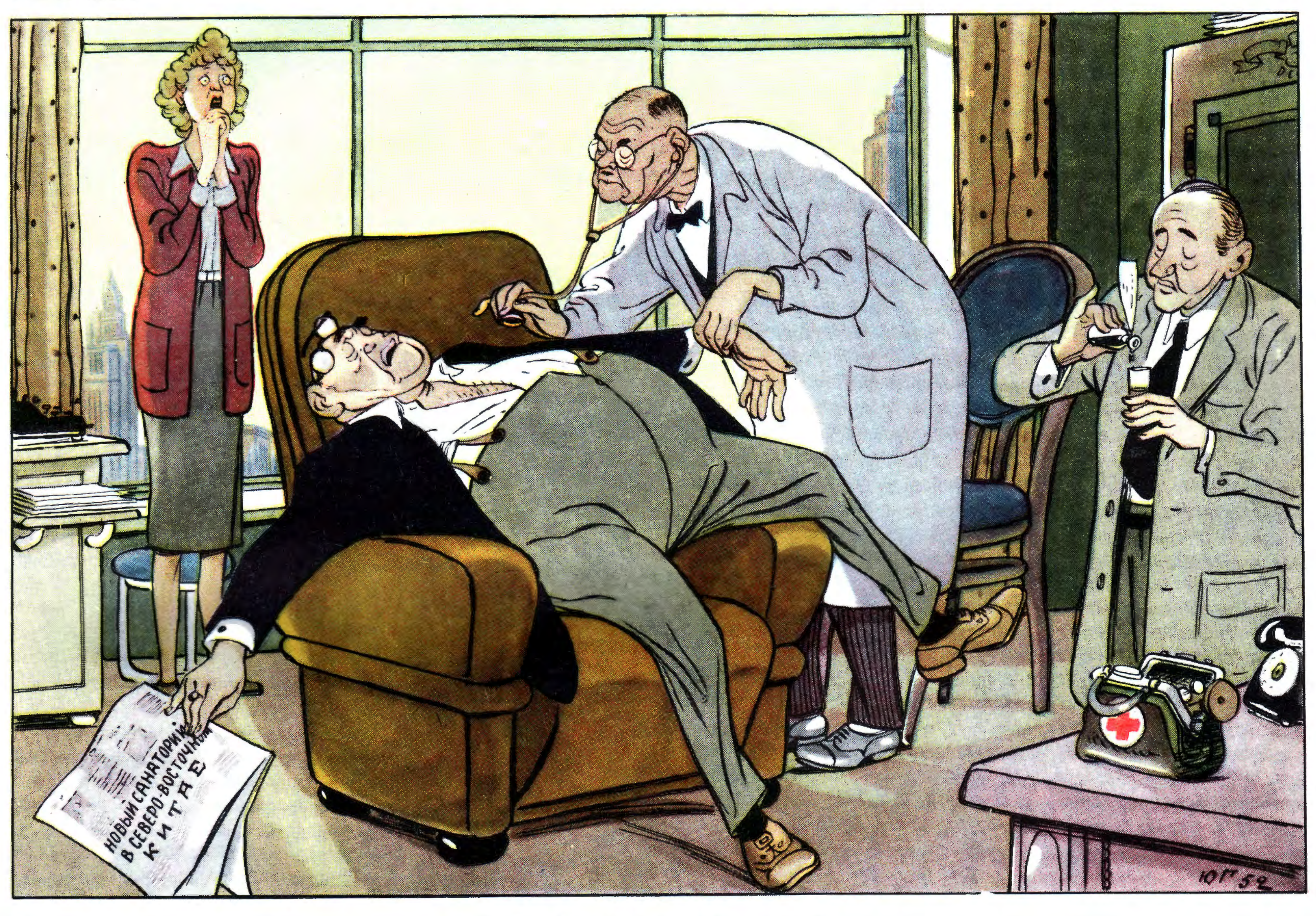
С. АНДРОНОВ

г. Ленинград.

ПОЧТИ ПО ПОСЛОВИЦЕ

Рис. Ю. ГАНФА

В Северо-Восточном Китае скоро будет открыт новый санаторий.

Что китайцу здорово — американцу смерть.

БЫЛЬ ПОЛИЦЕЙСКОЙ СТРАНЫ

КОРРЕСПОНДЕНТ американской газеты «Дейли компас» Кук не так давно рассказал читателям о гнусном поступке доктора нью-йоркской больницы «Святого Луки» Генри Темпльтона Смита. Это разоблачение отнюдь не подмочило репутацию почтеннейшего доктора. И теперь, когда корреспонденты и фоторепортёры приходят к нему, он, несмотря на всё своё благочестие, проявляет явную склонность к гордыне. Слаб человек!

— Действительно ли,— спрашивают его корреспонденты,— всё было так, как рассказал восьмидесятилетний священник Элиот Уайт корреспонденту «Дейли компас»? Правильно ли, что вы, достопочтенный доктор, прекратили лечение Уайта, заподозрив в нём вольнодумца?

Доктор Смит снисходительно пожимает плечами. Разумеется! В конце концов есть даже свидетель: ведь почти совсем ослепшего старика приводил к нему под руку какой-то его знакомый.

Итак, по словам Смита, произошло следующее.

— Хэлло, преподобный отец! — воскликнул доктор, когда Уайт при помощи поводыря вошёл к нему в приёмную. — Я вижу, что ваше зрение дьявольски улучшилось.

— Вовсе не улучшилось,— тяжело вздохнул Уайт,— я ничего не вижу...

— А я вижу достаточно хорошо, чтобы судить об этом,— не без ехидства перебил его Смит. — Я читаю газеты, ваше преподобие. И своими собственными глазами я прочёл, что Элиот Уайт шёл под руку с супругой по 6-й авеню во главе рабочей демонстрации.

— Да, именно так.

— А если так, то что вы от меня хотите?! Вы шляетесь по улицам с демонстрантами, с какими-то смутьянами, а потом обращаетесь ко мне за помощью! Феноменальное нахальство!

— Но вы ведь доктор! А я слепну. К тому же больница «Святого Луки» обязана лечить бесплатно престарелых священников. Я давно ушёл на пенсию, у меня нет денег, чтобы обратиться к платному врачу.

— Ха! Не думаете ли вы, что я буду лечить коммуниста, да ещё бесплатно? Езжайте в Россию! Там — вы же сами, наверное, повсюду об этом кричите! — лучшие врачи в мире и денег за лечение не берут. А здесь не я должен вами заниматься. Не я, а Федеральное бюро расследований!

На этой кульминационной точке интервью достопочтенный доктор выпячивает грудь и, задрав нос, даёт фоторепортёрам запечатлеть себя в героической позе столпа официальной нравственности.

Паузу нарушает вопрос одного из корреспондентов:

— Следовательно, Элиот Уайт справедливо пишет в своей жалобе, что вы не только отказались лечить его, но и обещали сообщить о нём своему брату, занимающему важный государственный пост?

Доктор весь сотрясается от добродушного смеха, долго машет обеими руками и наконец произносит:

— Что вы!.. Чушь какая! Это уж клевета, чёрт побери, клянусь святым Лукой... Мало того, что я сам мог бы попасть под подозрение, допустив к себе в качестве пациента отпетого вольнодумца! Не хватало ещё, чтобы я втянул в это дело родного брата, запятнав его своими связями!

— Значит, вы не собирались писать на Уайта донос?

Генри Темпльтон Смит оторопело смотрит на корреспондента. Видимо, он даже не понимает, как мог возникнуть такой вопрос. Потом восклицает тоном, в котором слышится рыдание оскорблённой добродетели:

— Как?.. Я?.. Не собирался писать донос?! В двух экземплярах, джентльмены! Один — в общину протестантской церкви, на предмет лишения преподобного Уайта пенсии, другой — в ФБР... Копии при мне.

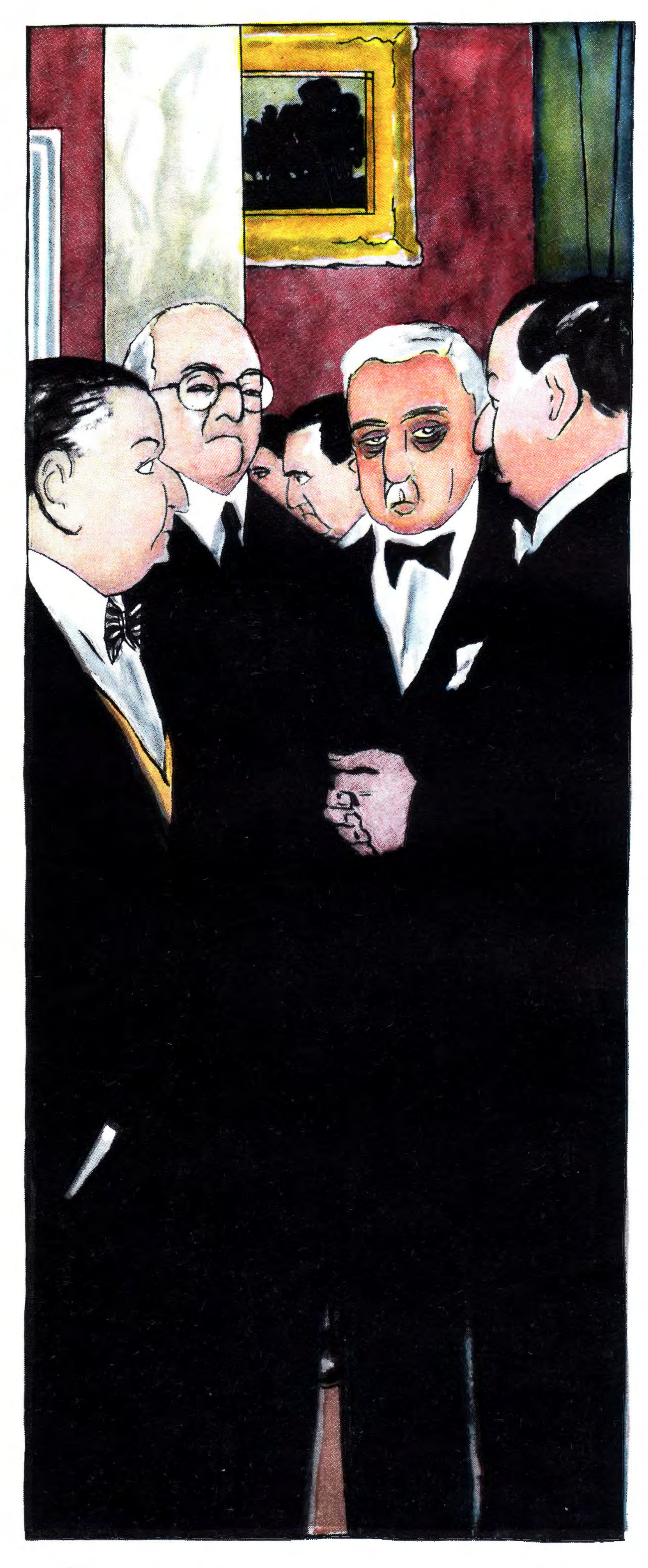
Корреспонденты расходятся. Доктор-шпик приступает к приёму больных, готовясь к дальнейшим подвигам на медицинско-сыскном поприще, к дальнейшему беспощадному врачеванию «недугов» среднего американца. А один из «недугов» среднего американца — это его упорное стремление оградить своё человеческое достоинство от посягательств таких скотов, как доктор полицейских наук Генри Темпльтон Смит и его духовные пастыри из Федерального бюро расследований США.

А. ВЕЛИЧКО

МИЛИТАРИЗАЦИЯ НАУКИ В США

Рис. Л. БРОДАТЫ

Военные ведомства США разместили свои заказы в 150 колледжах и университетах.

— Ну как, ваш сын Генри на диссертации не провалился!
— Не провалился, а взорвался!

ОГОРЧЕНИЕ ПРЕДАТЕЛЯ

Известный прародитель всех предателей мифический Иуда Искариот не был предателем-профессионалом. Легенда утверждает, что вскоре после своего коварного поцелуя Иуда повесился от угрызений совести, не успев пропить в иерусалимских кабаках полученные им тридцать серебреников (по нынешнему курсу пять—шесть долларов, не больше).

Напротив, один малоизвестный последователь древнего Иуды, некий американский негр Уиллард Савой, сделал из предательства постоянную профессию и непрерывный бизнес.

Уиллард Савой—платный агент Уолл-стрита. Он действует в Азии в качестве представителя Управления взаимного обеспечения безопасности, то есть «обеспечения» беспощадного грабежа и закабаления народов американскими империалистами. Это одна из главных вашингтонских контор по подготовке агрессивной войны и американского «мирового господства». Командует управлением крупнейший реакционер и негроненавистник миллионер Аверелл Гарриман.

В доверенных прислужниках американских империалистов Савой оказался неспроста. Как негр, он представляет собой чрезвычайно удобную фигуру для шпионажа, подкупов и одурачивания некоторых неустойчивых граждан из цветных народов Азии.

Именно это подкупающее удобство всячески подчёркивает сам подкупный мистер Савой в своей верноподданнической статье, опубликованной американским реакционным журналом «Рипортер» под заголовком «Можем ли мы привлечь сочувствие Азии?».

«В качестве официального лица я имел полную возможность,— бахвалится в своей статье Савой, — узнать кое-что об экономических и социальных затруднениях в Азии. Но, как американский негр, я имел ещё более удобную возможность лично выяснить, что многие азиаты думают об американской демократии...»

Савой подробно описал в этой статье свой задушевный разговор с неизвестным индонезийским студентом.

Беседа началась с прославления Савоем американских «экономических усилий» в Азии. Однако студент-индонезиец, как оказалось, имел собственные соображения относительно того, что Соединённым Штатам следовало бы сделать в Азии.

«— Самое лучшее, что вы, американцы, можете сделать, — заявил студент Савою, — это уйти оттуда. Мы не желаем ваших даров, напоминающих троянского коня. Мы не такие дураки, какими вы нас, должно быть, считаете. Во всём мире цветные народы изгоняют белых империалистов: в Азии, на Среднем Востоке, в Африке. Я правду говорю!..»

«— Почему вы говорите мне все эти вещи?»—спросил, наконец, студента Савой, кое-как собравшись с духом.

«— Потому что мне нравится наблюдать, как белые реагируют на эти факты», — ехидно ответил студент темнокожему агенту.

«— Но я не белый! Я американский негр!»—обиженно воскликнул растерявшийся Савой.

Проницательный студент с удивлением посмотрел на него и сказал:

«— В таком случае вы наёмник белых!»

«— Нет! Я не наёмник!»—молниеносно соврал купленный со всеми потрохами предатель.

Тогда индонезийский студент снова прижал иудушку к стенке:

«— Скажите, разве в вашей стране негры не лишены гражданских прав?»

«— Это неправда»,—уже нагло ответил Савой, вспомнив свои серебреники.

«— Вы это отрицаете?! — язвительно спросил студент. — Вы также отрицаете и то, что белые просто для развлечения убивают негров в южных штатах?»

«— Конечно, я отрицаю это. Это—абсурдное утверждение»,— забормотал Савой.

Индонезиец, окончательно убедившийся, что перед ним сидит продажная шкура, громко рассмеялся:

«— Но ведь это всему миру известно!»

«— Мы, по всей вероятности, живём в разных мирах!»—неуклюже попытался отшутиться Савой.

«— Вы исключительно плохо информированы, — не без издёвки заметил студент Савою,—но, может быть, ваши хозяева находят, что так нужно...»

Савой косноязычно принялся описывать и защищать «успехи» разложившейся американской демократии, но студент засмеялся ему прямо в лицо.

«— Игра слов!—воскликнул индонезиец.—Я сам был в вашей стране, и все ваши слова не могут опровергнуть известных мне фактов. Чёрные законом лишены права на простое человеческое достоинство. И такое отношение объясняется тем, что у этих людей не белая кожа. Что вы скажете на это?»

Холуй расистов-колонизаторов, закономерно оказавшийся в тупике, беспомощно оборвал беседу со студентом.

«Прекратив с ним разговор, я знал, — со злостью заключает Савой,—что сказанное мною нисколько не повлияло на этого человека, и я глубоко сознавал недостаточность моих слов».

«Недостаточность слов», видите ли! В этом ли дело? Разве слова, даже самые лживые и хитросплетённые, способны сбить с толку азиатские народы?! Разве американцы не зарекомендовали себя в Азии своими делами?!

Мистер Савой трусливо озаглавил свою статью «Можем ли мы привлечь сочувствие Азии?» К чему, однако, этот риторический вопрос? С бо́льшим успехом предатель Савой мог бы сказать: «Увы, нам никогда не привлечь сочувствие Азии».

М. ПОЛИКАНОВ

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

Итальянские фирмы ввозят из США апельсины, хотя сбор апельсинов в самой Италии значительно превышает спрос.

— Возьмите этого итальянца на заметку. Он занимается антиамериканской деятельностью: собирает собственные апельсины вместо того, чтобы покупать наши!

Ионас ИОВАРАС

ДОЛОЙ ПОДЖИГАТЕЛЕЙ ВОЙНЫ!

Заморских сейфов алчные владыки
Заносят снова в банковские книги
Доходы с разжигаемой войны.
И сам «святой отец» из Ватикана,
Глашатай войн, разбоя и обмана,
Им рад служить с усердьем сатаны.

Но планы их разбойничьих походов
Сметёт с планеты мужество народов,
Которые на битву поднялись.
Со всех широт сегодня поколенья
Берут в борьбе на Сталина равненье.
Кто хочет мира, с нами становись!
Ряды теснее!
Против войн неправых,

Рис. Ю. ФЕДОРОВА

Всегда жестоких и всегда кровавых,
Победа с нами шествует сама.
Пусть дружба сокращает расстоянья,
Сердца найдут взаимопониманье,
И перед светом отступает тьма.

Смотри, мой друг, в грядущее спокойно.
С лица земли исчезнут скоро войны.
Настанет день, которого все ждут.
Списав в музей последнего банкира,
На праздник свой сойдутся люди мира
И братьями друг друга назовут!

Перевёл с литовского
Я. КОЗЛОВСКИЙ

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

ДИРЕКТОР Института генетики и селекции тяжело захворал. А так как этот директор был не только большим учёным, но и человеком доброго сердца, то весь институт переживал его болезнь. Вместе со всеми печалился и учёный секретарь института Роман Петрович Кругляков. Но эта печаль была показной, а в действительности Роман Петрович лелеял мечту занять место директора.

«Вряд ли Алексей Петрович встанет с постели, — думал Кругляков, — старику как-никак под восемьдесят».

И Роман Петрович весьма тонко и хитро готовил сотрудников института к мысли, что кроме него быть директором некому. Однако претензии Круглякова были мало обоснованными. У него не было для роли научного руководителя ни таланта, ни глубоких знаний. Человек холодный, чёрствый, Роман Петрович все человеческие добродетели подменял лицемерием. Он не стеснялся спекулировать самыми святыми для советского человека чувствами и понятиями. Но разглядеть подлинное лицо учёного секретаря было не так просто, ибо Кругляков весьма искусно прикрывал пустоту души своей «правильными» словами. И многие верили этим словам, считая Круглякова человеком честным. Но он не был честным, он был гладким, «обтекаемым».

«Надо уметь держать нос по ветру, — думал Кругляков, — иметь хороший нюх».

Этот нюх в конце концов и подвёл «обтекаемого» человека. Разоблачить Круглякова, сорвать с него маску помог молодой писатель Леонид Зорин. Причём сделал он это не на собрании, а в пьесе. Леонид Зорин написал о Круглякове сатирическую комедию. Правда, не всё в этой комедии было совершенно, некоторые действующие лица были выписаны бледно, тем не менее пьеса удалась, и товарищи поздравляли Леонида Зорина с успехом. Художественный руководитель Театра сатиры Н. В. Петров так и сказал молодому драматургу:

— Чудно, чудно! Это — то, что нам нужно. Конечно, кое-что придётся дописать, переделать. Вы ведь не откажетесь поработать вместе с театром над окончательной редакцией?

— Господи, с удовольствием! — сказал драматург.

— Ну, что же,— заявил Петров,— дадим прочитать комедию директору — и по рукам.

Директору М. С. Никонову пьеса тоже понравилась.

— Она написана специально для нас,— сказал Никонов. — Остро, хлёстко.

Руководителям театра пьеса пришлась по душе. Как будто всё, можно приступать к репетициям. Но не тут-то было. Против пьесы выступил артист Иванов.

— Николай Васильевич,— удивлённо задал он вопрос художественному руководителю,— неужели вы в самом деле решили показать подлеца Круглякова со сцены, при свете прожекторов и софитов?

— А что же здесь плохого? Разве гладкие, «обтекаемые» люди не встречаются в жизни?

— Простите меня, но художественный руководитель театра должен думать не о жизни, а о рецензентах,— сказал Иванов.— Вы как хотите, а я в такой пьесе участвовать не буду. И зачем нам рисковать? Не было у нас в репертуаре за последние годы сатирических комедий, пусть не будет и впредь.

— Но ведь мы же Театр сатиры?

— Это только на вывеске. Пусть автор громит Круглякова в стенной печати Института генетики и селекции, а для театра надо выбирать темы поспокойнее.

Художественному руководителю хотелось поспорить с Ивановым, назвать его перестраховщиком, но Николай Васильевич оказался, к сожалению, человеком не воинственным.

«Зачем мне ссориться с ним? — подумал он. — А вдруг рецензенту и в самом деле не понравится пьеса? Иди тогда оправдывайся».

И художественный руководитель промолчал, не ответил Иванову.

Между тем драматург Зорин, не зная о последних событиях в театре, сидел и работал над пьесой. Уточнял характеры действующих лиц, шлифовал язык. Он ждал, что Петров или Никонов вот-вот позвонят ему, пригласят на читку. Но звонков не было. Когда новый вариант пьесы был готов, Зорин сам наведался в театр. Но, увы, прежнего радушия здесь уже не было. Ему не сказали ни нет, ни да, ему посоветовали ждать.

И молодой автор ждал с весны 1951 года по весну 1952 года. Наконец директору театра стало неудобно перед автором, и он честно признался ему:

— Мы бы поставили вашу пьесу, да вот Иванов против, а Петров не хочет ссориться с Ивановым.

— Что делать?

— Если разрешите, я передам вашу пьесу в соседний театр, — сказал режиссёр Гончаров.

— Да, пожалуйста!

— Чудно, чудно!— сказал художественный руководитель Театра имени Ермоловой А. М. Лобанов режиссёру Гончарову.— Пьеса мне нравится. Давайте дадим прочитать её завлиту — и по рукам.

Пьеса Зорина понравилась не только завлиту Корягину, но и режиссёру Комиссаржевскому. Театр собирался уже включить её в свой план, но тут неожиданно против пьесы выступил артист Корчагин. И всё с той же самой позиции:

— Зачем рисковать и ставить сатирическую комедию? А вдруг драмсекция Союза писателей или Комитет по делам искусств выскажутся против?

И хотя драмсекция и репертуарно-редакторский отдел Комитета высказались за пьесу, артист Корчагин продолжал стоять на своём:

— Сегодня они за, а завтра против, а отвечать за всё нам. Нет, лучше без сатирических комедий.

Вместо того чтобы дать бой таким рассуждениям, Андрей Михайлович Лобанов последовал плохому примеру Петрова и беспомощно развёл руками:

— Зачем мне ссориться с Корчагиным из-за какой-то комедии? Не было у нас до сих пор в репертуаре острых пьес, пусть не будет и впредь.

Иллюстрации Н. ЛИСОГОРСКОГО

Завлит попробовал пристыдить худрука, это не помогло, и завлиту пришлось, краснея, сказать автору:

— Мы бы поставили вашу пьесу, да вот беда: Корчагин против, а Лобанов не хочет ссориться с Корчагиным.

Когда молодой драматург услышал отказ и в Театре имени Ермоловой, у него чуть было не опустились руки.

«А не зря ли я,— подумалось Зорину,— вообще взялся за комедию? Не лучше ли было написать беззубую, бесконфликтную пьесу, которая быстро примирила бы вкусы Корчагина с вкусами Лобанова?»

Но это были минутные сомнения. Леонида Зорина поддержали в Союзе писателей, в Комитете по делам искусств. Работник редакторско-репертуарного отдела М. Н. Строева оказала автору комедии не только литературную помощь, но и познакомила его с режиссёрами Московского театра драмы. В этом театре режиссёры оказались принципиальнее. Они не только приняли пьесу, но уже и репетируют её.

Пьеса Леонида Зорина называется «Откровенный разговор». И хотя злоключения этой пьесы благополучно окончились, нам хотелось бы продолжить разговор, начатый молодым драматургом. Но уже не о гладком, «обтекаемом» Круглякове из Института генетики и селекции.

Режиссёры Театра сатиры и Театра имени Ермоловой горько жаловались както в Доме литераторов на то, что у них в репертуаре нет острых сатирических пьес.

— Приходите к нам в театр, как в родной дом, — гостеприимно приглашали они драматургов. — Пишите для нас весёлые комедии.

После гостеприимного приглашения этих режиссёров прошёл год, а новые комедии не появились ни в Театре сатиры, ни в Театре имени Ермоловой. И это не случайно. Художественный руководитель должен не только декламировать о своей любви к сатире, он должен уметь бороться за неё, а если нужно, то и ссориться с перестраховщиками, где бы эти перестраховщики ни встретились: внутри театра или за его порогом. А пока режиссёр думает, «как бы чего не вышло», сатирических спектаклей в его театре не будет.

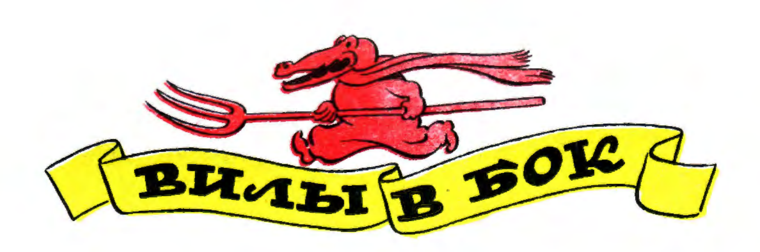
Сем. НАРИНЬЯНИ

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

НИЧЕГО НЕ ПОДЕЛАЕШЬ

— Пиши, дочка: «Объявляю всем родным и знакомым, что ввиду создавшихся условий нашей Сватбраткумконторе предстоит скорая ликвидация»!

НОВАЯ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ ГУРЗУФА

Гурзуф — красивый уголок Южного берега Крыма, в котором немало достопримечательностей. Вам тут экскурсоводы покажут и пушкинский грот над морем, и кипарис, будто бы посаженный поэтом, и многое другое.

Но наряду с этим в Гурзуфе обнаружена ещё одна достопримечательность.

О ней пока знают лишь отдельные лица. Называется она «Научно-учебная станция Крымского педагогического института».

С весеннего сезона и до осени тут можно наблюдать наивысший разгар научно-педагогической деятельности. Стоит заглянуть внутрь научно-учебной станции, как сразу же вас обдаст запахом примусов и керосинок, а также ароматами разных супов, борщей, укропа и прочей петрушки.

Во дворе под кипарисами вы увидите развешанные гамаки, детские игрушки, а возле всего этого резвящихся детей, хлопочущих мамаш и важно отдыхающих папаш. Среди этих «кадров» научного учреждения нетрудно обнаружить директора Крымского пединститута тов. Киселёва с чадами и домочадцами, заместителя директора института тов. Ферсенко, доцента тов. Лебедева, работника института тов. Жук и других.

Никто точно не знает, какие научно-педагогические проблемы решены или решаются научно-учебной станцией в Гурзуфе. Но зато хорошо известно, что с помощью этой станции исчерпывающе решается проблема летнего отдыха руководителей Крымского пединститута.

В. ЛЕОНИДОВ

ПОКРЫЛИСЬ КОРРОЗИЕЙ

Юго-Камский машиностроительный завод ежемесячно получает от пермского отделения Пермской железной дороги назидательные письма одного и того же содержания:

«Напоминаем, что на товарном дворе с 1945 года находится принадлежащая заводу стальная станина весом в 10 тонн. Просим убрать, уплатив при этом за хранение 143 тысячи рублей».

Директор завода тов. Тюрин аккуратно и неутомимо сдаёт эти письма в архив, не читая их. Зачем же читать, если содержание их несколько лет остаётся неизменным? Изменяется постепенно только сумма рублей, требуемых за хранение, медленно, но верно повышаясь. Да к последним письмам добавлено небольшое сообщение: «Металл покрывается коррозией».

Металл только покрывается коррозией, а хозяин станины давно уже покрылся ржавчиной безразличия к государственному добру.

С. ЛИНЬКО

г. Молотов.

ВЕРХ ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТИ

Многие из желающих поступить в Горный техникум города Ленинск-Кузнецка, Кемеровской области, были недавно поражены необычайной проницательностью таинственного работника техникума. Комсомолка Е. Чулюкова из Барнаула прислала в техникум письмо с просьбой о приёме. Вскоре она получила ответ на уголке своего конверта: «За неимением мест — отказать». Под сим стояла крючковатая подпись (инициалы Л. Т., далее неразборчиво), удостоверенная треугольной печатью. Но самое интересное: конверт с письмом тов. Чулюковой вскрыт не был!

За Чулюкову попробовал вступиться райком ВЛКСМ Центрального района г. Барнаула и направил письмо в техникум. Но не тут-то было! Работник Л. Т. взглянул своим проницательным оком на запечатанный конверт и в то же мгновение догадался о содержании. Райком ВЛКСМ получил своё письмо обратно с безапелляционным ответом: «За неимением мест — отказать».

Воистину необычайная проницательность! И как это руководители техникума оставляют до сих пор без внимания такого одарённого человека?!

И. НЕЗНАМОВ

г. Барнаул.

Владимир ИВАНОВ

САНЕЧКА

Саню моют, одевают,
Кормят-поят нянечки.
Чуть не птицами летают
По приказу Санечки:

Сам папаня,
И маманя,
Тётя Аня, тётя Паня,
Дядя Даня, дядя Ваня,
Поликарп-соседушка,
Бабушка и дедушка.

Саня ходит руки в боки
Взад-вперёд по комнате.
Кто же делает уроки?
Это, если помните:

Сам папаня,
И маманя,
Тётя Аня, тётя Паня,
Дядя Даня, дядя Ваня,
Поликарп-соседушка,
Бабушка и дедушка.

Паренёк растёт лентяем,
Дурь растёт у Санечки...
— А мы Сане помогаем! —
Восклицают нянечки:

Сам папаня,
И маманя,
Тётя Аня, тётя Паня,
Дядя Даня, дядя Ваня,
Поликарп-соседушка,
Бабушка и дедушка.

Говорить коль откровенно,
Надо с милым Санею
Взять в работу непременно
Крепко всю компанию:

И папаню,
И маманю,
Тётю Аню, тётю Паню,
Дядю Даню, дядю Ваню,
Доброго соседушку,
Бабушку и дедушку!

г. Ленинград.

К СПЕЦИАЛИСТАМ ЗА КОНСУЛЬТАЦИЕЙ

Рис. И. СЕМЕНОВА

Некоторые заводские комитеты физкультуры прекращают зимой всякую работу.

— Прежде чем залечь в берлогу, зайду-ка да посоветуюсь, как покрепче проспать зиму!

ОБИЖЕННЫЙ

Рис. Ю. УЗБЯКОВА

— Даже рояль против меня настраивают!

ПО ПЕЧАТНЫМ СТРАНИЦАМ НЕВЗИРАЯ НА ЛИЦА

«ФАМИЛИЕ ИЗЛИШНЕ НАБРАНО ТИПОГРАФИЕЙ»

Редактор ворошиловской районной газеты «Социалистическая жизнь» (Карагандинская область) любезно предоставил читателям своей газеты возможность ознакомиться с новыми достижениями редакции в развитии русского языка. Приводим некоторые из этих газетных перлов:

Массовик Дома культуры «...на мотоцикле с баяном разъезжался по селу».

«С первых же дней открытия павильона, количество посещаемых клиентов на много увеличилось».

«Одним из серьёзных и почётных задач...»

«Коневоды должны не допускать подобных фактов к конепоголовью».

— Вот, — подумали мы, — даже коневоды не должны допускать подобных фактов к конепоголовью, а как же к людям? Но вслух мы ничего не сказали и продолжали читать дальше:

«Большое дело в этом отношение должны сыграть агитация...»

«...создана хорошая обслуга за работой тракторов...»

— Вам не кажется,— не выдержали мы,— что здесь есть некоторые ошибки?

— Не кажется,— ответил редактор.— Когда есть ошибки, мы даём поправку и указываем виновника. В этом году была одна поправка: «А фамилие Литовченко Н. И. излишне набрано типографией».

Возразить было нечего. Мы ушли, поблагодарив редактора за «хорошую обслугу» читателей.

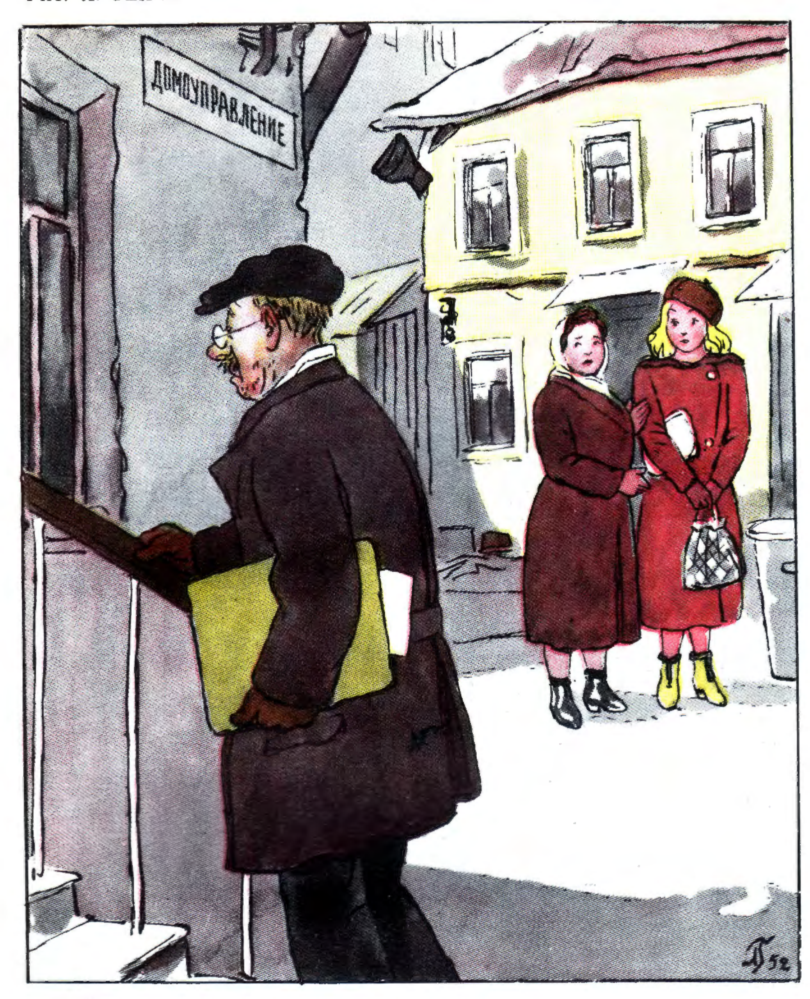
●

КАК НИ СТРАННО, НО...

...заместитель министра мясо-молочной промышленности СССР тов. Кокарев телеграфно увеличил план III квартала Казанскому холодильнику на 500 тысяч рублей... **30 сентября**, то есть в тот самый день, когда III квартал успел уже благополучно закончиться.

Сидят в Казани и мучительно думают: как же всё-таки выполнить план задним числом? Это, пожалуй, даже ещё труднее, чем отдавать приказы задним числом...

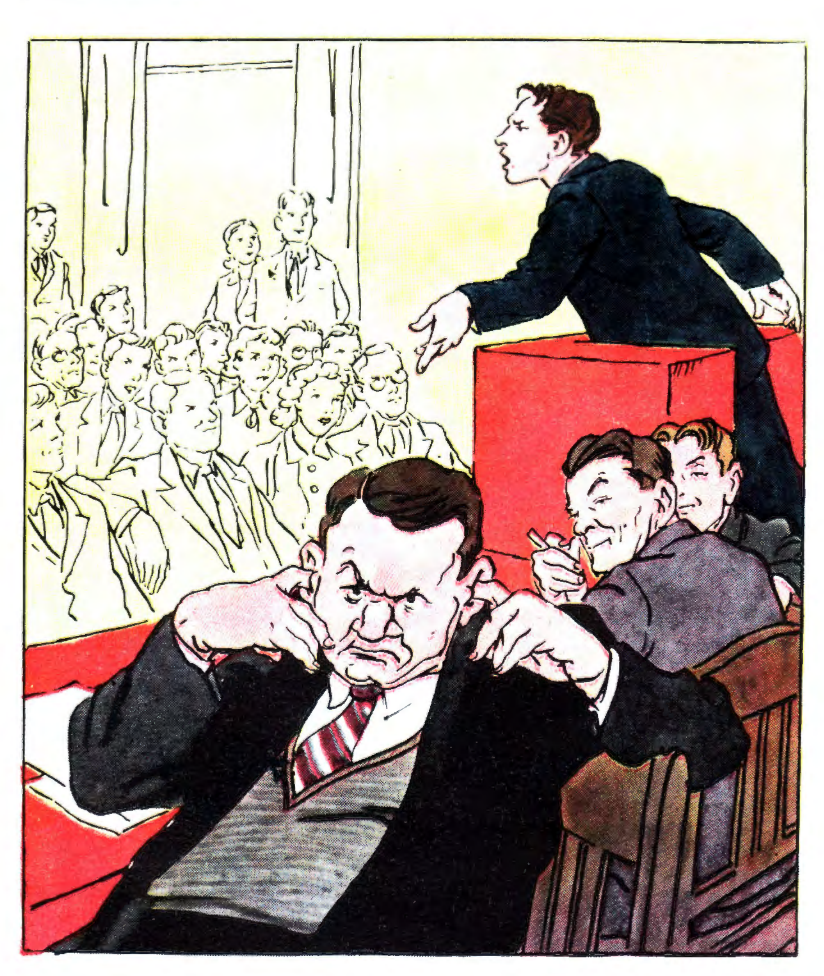
Рис. Л. ГЕНЧА

— Ну что, надежды на ремонт рухнули!
— Надежды — что! Боюсь, как бы потолок не рухнул!

ЕДИНСТВЕННОЕ СРЕДСТВО

Рис. А. БАЖЕНОВА

— Что это наш директор уши зажал!
— Если нельзя зажать критику, то можно зажать уши!

ПРО ЧУДО-ОВОЩИ, или как Колхозник не дождался помощи

(СКАЗКА)

Шел полем Колхозник. Вдруг видит диво-дивное: среди поля — лес, а в лесу — одна поляна, другая. Поляны квадратные, будто руками человеческими сделаны, берёзками обсажены.

А на полянах люди какие-то копаются. Увидели Колхозника, побросали работу, начали его разглядывать.

— Ты кто? — любопытствуют.

Колхозник сказал, кто он и откуда. И, в свою очередь, спросил:

— А вы кто?

— Мы Учёные Верхне-Хавской овощной селекционной станции.

Не поверил сразу Колхозник:

— Век живу в Верхне-Хавском районе, а про ваши овощи слыхать не слыхивал. Да и во всей Воронежской области вряд ли о них что знают. Обманываете, смеётесь над человеком!

— Хочешь, покажем? — предложили Учёные.

— Конечно, хочу! — обрадовался Колхозник.

Приводят гостя на одну поляну, а там лука видимо-невидимо.

— Нами лук выведен, — похваляются Учёные. — Однолетний Хавский называется. На суходолах, в поймах рек, на орошаемых участках — везде чувствует себя, как дома. Рано спеет. За один год в поле из семян-чернушек вырастает.

А Колхозник только головой покачивает:

— Лук-то есть, да не про нашу честь!..

Приводят гостя на другую поляну, где капуста белокочанная растёт. Кочны тугие-пудовые, соком наливаются, Колхознику подмигивают-улыбаются.

«Эх, нам бы такую капусту в колхоз! — подумал он. — Большие доходы могли бы получить...»

А Учёные опять похваляются: название этой капусты — Степная Хавская. Именуем её так потому, что она в безводье, на суходольных чернозёмах растёт-вырастает за моё почтение.

На следующей поляне тыква без единой плети на кустах красуется. Для того такую тыкву придумали, чтобы поле, где она посажена, трактором обрабатывать, механизацию применять.

Дальше в лес — больше чудес. Там ранние томаты, которым морозы нипочём, там улучшенные арбузы, сладкие-пресладкие... Разбежались глаза у Колхозника. Ухватил бы всё, да не знает, как такие овощи выращивать.

Только про то хотел спросить, оглянулся, а возле него никого нет: все люди исчезли.

Подивился Колхозник и пошёл дальше один. Долго ли, коротко ли шёл, видит, стоит избушка белокаменная, к лесу передом, к нему, Колхознику, задом.

— Избушка, избушка, — сказал он, — повернись к лесу задом, а ко мне передом!

Белокаменная избушка послушалась и повернулась.

Над дверью вывеска: «Селекционная станция». Дверь на замке. Однако делать нечего, постоял, посмотрел да и пошёл искать Директора, чтоб расспросить его, как чудо-овощи выращивать.

Хотелось не хотелось Директору, — повстречал он Колхозника. Повстречал и спрашивает:

— Чей, откудова, по какой надобности меня разыскиваешь?

Рассказал всё чин чином Колхозник, а потом возьми да всё, что за это время накипело на душе, и выложи. Так, мол, и так: овощи выращиваете, а народу о них и словом не обмолвитесь. Выходит, толку мало от ваших трудов.

И заплакал тут Директор, Василий Фёдорович Петров, горькими-прегорькими слезами и стал жаловаться, что нет на селекционной станции кота-баюна, который бы про ихние овощи сказки сказывал да пером описывал. А самим Учёным по колхозам ездить то некогда, то недосуг.

И вещал Директор про то, как в Алексеевском районе, Воронежской области, колхозники пробовали сами вырастить хавский чудо-лук. Хотел он, Петров, помогнуть им, слово молвить про агротехнику, поехал было в Алексеевку, да опоздал. Так же к шапошному разбору, когда были убраны поля, добралась до Семилукского района и научный сотрудник станции Яцынина.

— В Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областях колхозов много, а Верхне-Хавская селекционная станция — однаединственная. Поспей, поди, всюду!

Покачал головой Колхозник и молвил так:

— Живёшь ты, Василий Фёдорович, припеваючи, ни на ближние, ни на дальние колхозы не глядючи, идёшь туда — не знаешь, куда, принесёшь то — не знаешь, что!

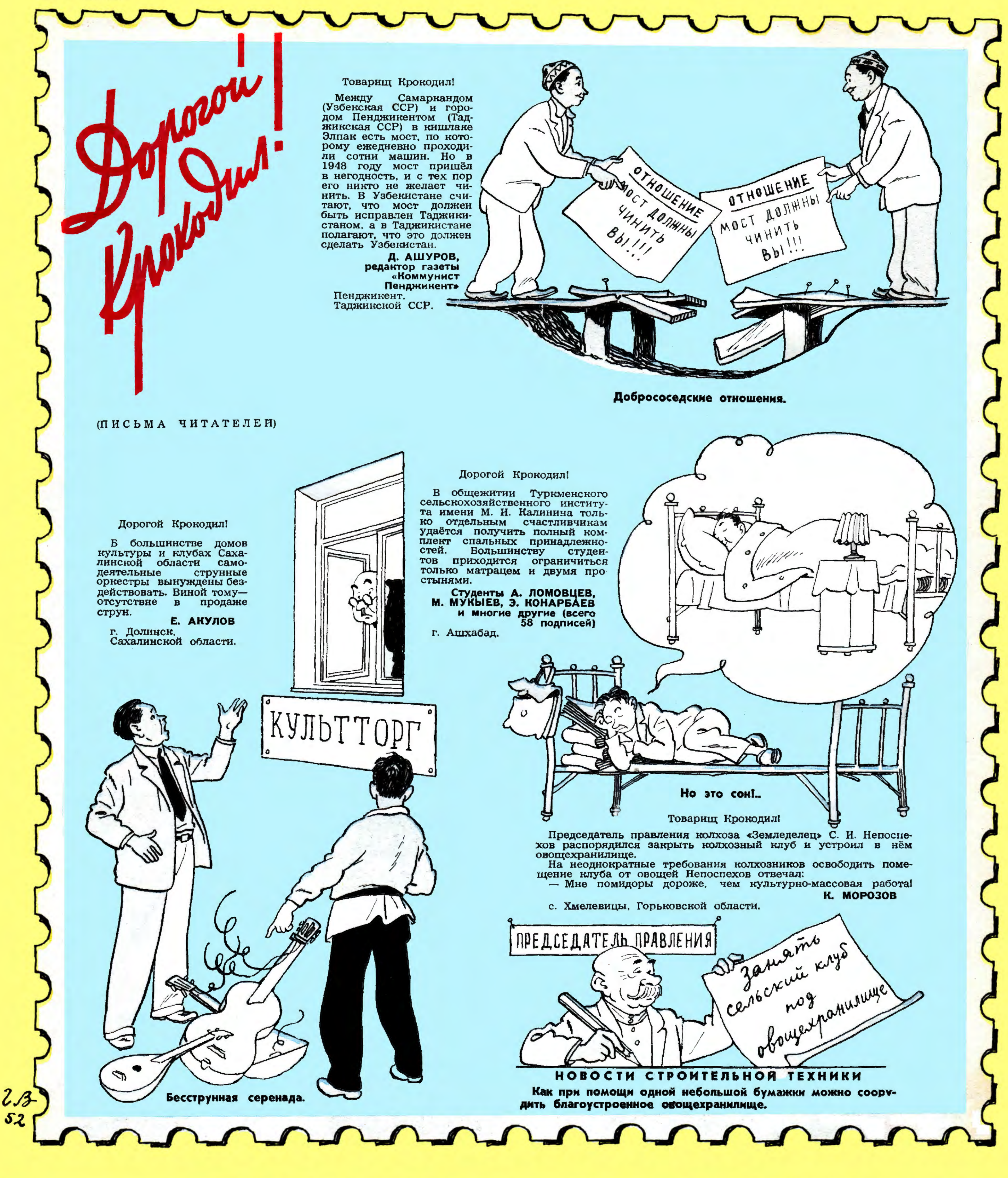
Ничего не ответил на это Василий Фёдорович. А тут темно стало, время домой идти.

С той поры Колхознику думка в голову запала про лук да про капусту, что на селекционной станции видел. Будто на пиру гулял, мёд-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

П. АНДРЕЕВ

Графская,
Воронежской области.

Рис. Г. ВАЛЬКА

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Товарищ Крокодил!

Между Самаркандом (Узбекская ССР) и городом Пенджикентом (Таджикская ССР) в кишлаке Элпак есть мост, по которому ежедневно проходили сотни машин. Но в 1948 году мост пришёл в негодность, и с тех пор его никто не желает чинить. В Узбекистане считают, что мост должен быть исправлен Таджикистаном, а в Таджикистане полагают, что это должен сделать Узбекистан.

Д. АШУРОВ,
редактор газеты «Коммунист Пенджикента»
Пенджикент, Таджикской ССР.

Добрососедские отношения.

Дорогой Крокодил!

Б большинстве домов культуры и клубах Сахалинской области самодеятельные струнные оркестры вынуждены бездействовать. Виной тому — отсутствие в продаже струн.

Е. АКУЛОВ
г. Долинск, Сахалинской области.

Бесструнная серенада.

Дорогой Крокодил!

В общежитии Туркменского сельскохозяйственного института имени М. И. Калинина только отдельным счастливчикам удаётся получить полный комплект спальных принадлежностей. Большинству студентов приходится ограничиться только матрацем и двумя простынями.

Студенты А. ЛОМОВЦЕВ, М. МУКЫЕВ, Э. КОНАРБАЕВ и многие другие (всего 58 подписей)
г. Ашхабад.

Но это сон!..

Товарищ Крокодил!

Председатель правления колхоза «Земледелец» С. И. Непоспехов распорядился закрыть колхозный клуб и устроил в нём овощехранилище.

На неоднократные требования колхозников освободить помещение клуба от овощей Непоспехов отвечал:

— Мне помидоры дороже, чем культурно-массовая работа!

К. МОРОЗОВ
с. Хмелевицы, Горьковской области.

НОВОСТИ СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

Как при помощи одной небольшой бумажки можно соорудить благоустроенное овощехранилище.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во „Правда“. Адрес ред.: Москва, 47, ул. „Правды“, 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно с 13 до 17 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 923. Подписано к печати 12/XI 1952 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 07714. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2903. Тираж 300 000 экз.

ВО ВЬЕТНАМЕ

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Французский министр национальной обороны Плевен, говоря о поражении французского экспедиционного корпуса в Северном Вьетнаме, объясняет это поражение... неблагоприятными атмосферными условиями.

Оккупантам душно.